
А. С. ДЁМИН

О ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ
ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ОЧЕРКИ
ДРЕВНЕРУССКОГО
МИРОВИДЕНИЯ

ОТ
«ПОВЕСТИ
ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»
ДО
СОЧИНЕНИЙ
АВВАКУМА

ББК 83.3(2Рос=Рус)3-001.3
Д 30

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 98-04-16337

Демин А. С.

Д 30

О художественности древнерусской литературы / Отв. ред.
В. П. Гребенюк — М.: «Языки русской культуры», 1998. —
848 с., 1 ил.

ISBN 5-7859-0064-5

В книге характеризуются представления древнерусских писателей XI–XVII вв. о природе, животных, человеке, его внешности и энергичности, о женщинах, о Русской земле, богатстве и бедности, политике и культуре, о других странах и народах, наконец, о внеземных мирах, — все это и составляет художественное содержание древнерусской литературы, исследованием которого занимается сравнительно новая отрасль литературоведения — эстетическая герменевтика древнерусской литературы.

Наибольшее внимание в книге уделено «Повести временных лет», «Слову о полку Игореве» и памятникам Куликовского цикла, повестям XVII в., сочинениям Аввакума и ранней русской драматургии. Дается также несколько тематических очерков истории древнерусской литературы в целом.

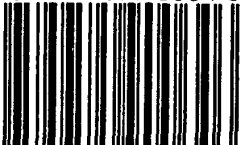
ББК 83.3(2Рос=Рус)3-001.3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavik@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0064-5

9 785785 900646 >

- © А. С. Демин, 1998
- © А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
- © В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

СОДЕРЖАНИЕ

Об этой книге	9
---------------------	---

I. Представления о природе

«Слово о полку Игореве»	13
1. К вопросу о пейзаже в «Слове о полку Игореве»	13
2. Мир животных «Слова о полку Игореве»	22
Орнитологическая зарисовка в «Галицко-Волынской летописи» под 1249 г.	33
Изобразительная анималистика	
«Сказания о Мамаевом побоище»	39
Анималистические темы повестей о Смуте и Азове	48
«Житие» Аввакума	55
1. Наблюдения над пейзажем в «Житии» протопопа Аввакума	55
2. Реально-бытовые детали в «Житии» протопопа Аввакума (о «природоведческом» таланте писателя)	61
3. «Густота» природы у Аввакума	76
4. Сумрачные оттенки в пейзажах Аввакума	81

II. Представления о человеке

Внешность человека в древнейших славянских житиях	89
Женские загадки в древнерусской литературе XI—XIV в.	100
«Живость» литературных героев XVII в.	105
1. «Живость» драматических героев 1670-х годов	105
2. Описание движений героев в литературе до XVII в.	108
3. «Живость» литературных героев в XVII в.	116

III. Представления об обществе и государстве

Краткая история древнерусской литературы (тема Русской земли).....	131
1. Древнерусская литература (XI — первая треть XIII вв.)	132
2. Литература XIII—XV вв.	150
3. Литература XVI в.	165
4. Литература XVII в.	178

Социальные традиции древнерусской литературы	199
Имущественные темы древнерусской литературы	208
1. XI — первая треть XIII вв.	208
2. XIII—XIV вв.	218
3. XV в.	224
4. XVI в.	241
5. Первая четверть XVII в.	247
6. Первая треть XVII в.	254
7. Вторая половина XVII в.	258
Крещение Руси и древнерусская литература XI—XII вв.	267
Социальный облик автора «Жития Александра Невского»	278
Социальная энергия в творчестве русских писателей с XV до середины XVIII в.	286
1. Представления об энергичности человека в литературе второй половины XVII в.	286
2. Представления о «тихости» человека в литературе XV—XVI вв.	297
3. Выступления против лени в XVI — первой половине XVII вв.	314
4. Стиль работы практических деятелей второй половины XVII в. и литература	316
5. Представления некоторых авторов второй половины XVII в. о насыщенности человеческой жизни	331
6. Представления о переменчивости жизни в русской литературе второй половины XVII в.	360
Общественные настроения XVII в. по литературным памятникам.....	382
1. Начало XVII в. «Великая слабость и небрежение» общества в православии	382
2. Конец 1610-х — 1630-е годы. Ублаготворенность и уступчивость верхов общества.....	395
3. Конец 1630-х — 1640-е годы. Благодушные верхов общества и назревание недовольства низов	416
4. 1650-е — первая половина 1660-х годов. Стремление верхов к умиротворению общества, но отгороженность от «нагих-босых»	438
5. Конец XVII в. В атмосфере социальной вражды	459
Театр в культурной жизни XVII—XVIII вв.	478
1. Русские пьесы 1670-х годов и придворная культура	478
2. «Артаксерксово действо»	488
3. «О Навходоносоре-царе» Симеона Полоцкого	492
4. Старейшие интермедии	498
5. «Действо о семи свободных науках»	504
6. Поздняя московская школьная драматургия	514

7. «Шутовская комедия»	518
8. «О Сарпиде, дуксе ассирийском»	525
9. «О премудрей Июдифе»	531
10. Пьеса о воцарении Кира	534
11. «Акт о Кире и Тамире»	545

IV. Представления о народах и странах

Неславянские соседи в русской литературе XI—XIII вв.	555
«Свои» и «чужие» этносы в «Повести временных лет»	566
Заметки о восприятии Запада древнерусскими писателями XI—XIV вв.	578
1. «Слово о законе и благодати» Илариона	578
2. «Хождение» Даниила	580
3. «Повесть временных лет»	585
4. «Новгородская первая летопись»	635
5. «Киевская летопись»	654
6. «Владими́ро-Суздальская летопись»	661
7. «Повесть о Довмонте»	663
Индия в русской литературе XI—XVIII вв.	668
Элементы тюркской культуры в литературе Древней Руси XV—XVII вв.	674

V. Фантастика

Древнерусская фантастика	695
Загробный мир в памятниках XI—XVII вв.	703
«Послание о рае» Василия Калики	729
«Слово о Вавилоне»	732
«Житие Авраамия Ростовского»	739
«Повесть об Уруслане»	743
Переводные и сатирические повести XVII в.	745
Надчеловеческий мир литературы первой четверти XVIII в.	751
1. Представления о надчеловеческом мире в русской драматургии начала XVIII в.	751
2. «Очеловечивание» аллегорических героев в первой четверти XVIII в.	773
<i>Список сокращений</i>	787
<i>Библиография научных трудов А. С. Дёмина</i> (составила Т. В. Нечаева)	791
<i>Именной указатель</i> (составила А. Г. Мирзоян)	801
<i>Указатель произведений</i> (составила А. Г. Мирзоян)	815

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

1. К ВОПРОСУ О ПЕЙЗАЖЕ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В «Слове о полку Игореве» преобладают проявления так называемого «панорамного зрения» автора — охват огромных пространств, как бы наблюдаемых с огромной высоты¹. Однако подлинно пространственно-изобразительных картин, рисуемых сверху, «Слово» все же не содержит. В этом памятнике есть картины природы, увиденной хоть и издалека, но не сверху, а как бы сбоку. Примерно так смотрит на мир Ярославна. Она стоит на забрале в Путивле и «видит» далекие земли и реки, море и поле, на котором потерпела поражение дружина Игоря. В таких «боковых» описаниях всегда упоминаются небо, облака или солнце. Не приближаются ли подобные описания природы к самостоятельным литературным пейзажам, образным и объемным?

Самый выразительный пример встречается в начале «Слова» — в характеристике пения Бояна: «Боянъ бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы» (43)². Здесь перечислены три пространственных элемента: облака, ассоциировавшиеся с небом, с пространственным верхом, земля, ассоциировавшаяся с пространственным низом, и некое древо, представляемое между верхом и низом. Думается, не нужно специально доказывать то, что подобные ассоциации действительно существовали у автора «Слова», который в одном месте прямо сказал по поводу облаков: «горé подъ облакы» (54) — вверху под облаками (правда, если исправленное издателями слово «горъ» значило «горé», а

¹ Прекрасный очерк этого: *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени, 2-е изд., доп. Л., 1985, с. 29—75.

² Цитируемые произведения: «Галицко-Волынская летопись» — ПСРЛ, 1970, т. 2; «Житие Вита» — Успенский сборник; Книга пророка Исаии — Адрианова-Перетц; «Минеи служебные» — Адрианова-Перетц; «Повесть временных лет» — Летопись по Лаврентьевскому списку; «Повесть пророка Иеремии о пленении Иерусалима» — Успенский сборник; «Похвала Кириллу Философу Климента Охридского — Климент Охридский. Собрания съчинения. София, 1970, т. 1 / Изд. подгот. Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Хр. Кодов; «Псалтырь толковая» — Срезневский, 1970, т. 2; «Слово» Моисея Выдубицкого — ПСРЛ, т. 2; «Слово в великий четверток» Иоанна Златоуста — Успенский сборник; «Слово о десяти девицах» Иоанна Златоуста — Успенский сборник; «Слово о полку Игореве» — Слово о полку Игореве / Тексты подгот. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. Л., 1967; «Слово о самарянинах» Иоанна Златоуста — Успенский сборник; «Слово об иссохшей смоковнице» Иоанна Дамаскина — Успенский сборник; «Слово по пасхе» Кирилла Туровского — *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ, 1970, т. 13; «Слово похвальное Кириллу и Мефодию» — Успенский сборник; «Хождение Агапия в рай» — Успенский сборник.

не «горы»). Как отметил Д. С. Лихачев, «мысль, песнь, слава Бояна движется в трех сферах пространства: верхнем, нижнем и среднем»³. Три пространственных элемента складываются, и возникает реальный, пейзажный, «высотный» образ огромного пространства, которое снизу доверху заполнял своим пением Боян. Таким на первый взгляд кажется авторский смысл этого места «Слова».

Однако дальнейшие наблюдения заставляют отказаться от столь заманчивой трактовки. «Древо» в данном отрывке не было похоже на реалию, являясь скорее символом, притом не совсем понятным нам. Значит, «нагнетания» трех однородных элементов в образ не происходило у автора, который и в контексте высказывания нигде не развил и не поддержал тему огромности пространства, охватываемого пением Бояна.

Поиски аналогий в «Слове», более четких по реально-пространственному смыслу, заводят в тупик. Самая близкая аналогия: «О Бояне, соловию стараго времени! А бы ты сия плъкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресь поля на горы» (44). Облака означали верх, поля — низ, древо и горы помещались между небом и землей. В пространственном ассоциировании подобных реалий сомневаться не приходится. Ср. пояснение, например, в «Псалтыри толковой» XII в.: «възвышаються, яко горы; низеуть же, яко поле» (449). Но все дело в том, что не все являлось реалиями и в этой, второй характеристике Боянова пения: символичны, а не реальны и «мысленое древо», и «тропа Трояня». Предметная картина рассыпается. Тема огромности пространства пения Бояна не выдвигалась у автора и здесь.

В «Слове о полку Игореве» еще есть места, содержащие упоминания небесного верха, земного низа и середины между ними, но тоже не составившие пространственного образа. Например, автор сообщил: «Темно бо бе въ 3 день: два солнца померкоста, оба багряная стлъпа погасоста, и въ море погрузиста, и съ нима молодая месяца, Олегъ и Святъславъ, тъмою ся поволокоста» (50—51). Формально мы можем указать пространственные элементы в приведенном отрывке: «два солнца — оба багряная стлъпа — море». Столп привычно мыслился между верхом и низом, как, например, в «Повести временных лет»: «Явися столпъ огонь от земля до небеси» (273, под 1110 г.). Однако все элементы «Слова» имели символический смысл, чего и не скрывал автор, упомянувший два солнца и два месяца, в небе одновременные. Автор иносказательно говорил о поражении русских князей и не думал о создании картины тьмы с моря до неба.

Точно так же не складывалось в единый реальный пейзаж красочное описание: «Другаго дни велми рано кровавыя зори светъ поведаютъ,

³ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени, с. 49.

чръныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии мльнии. Быти грому великому, итти дождю стрелами съ Дону Великаго» (47). Что это за четыре солнца? И солнце, и тучи, и дождь — это символы, обозначавшие русских князей, половцев и их битву. Описание было символичным, а если брать только его реальную сторону, то реалии оказывались пространственно не связанными друг с другом: солнце мыслилось автором вовсе не над морем, но отдельно от моря.

Пейзаж отсутствовал и в отрывках уже преимущественно реально-го, а не только символического содержания. Ярославна плачет: «Светлое и тресветлое слънце!.. чему, господине, простре горячую свою лучю на ладе вои? Въ поле безводне жаждею имъ лучи съпряже» (55). Три пространственные реалии — солнце, его луч, поле — могли бы создать объемный образ. Солнечный луч привычно мыслился связывающим солнце и землю. Ср. в «Минях служебных» 1095 и 1097 гг.: «Солнце земли луча простърл есть» (176). Однако и в данном месте «Слова» пространственный образ не складывался, потому что, судя по последовательности фраз, солнце простерло луч только на воинов, а с полем был связан иной мотив.

Прочие аналогии в «Слове» лишь укрепляют сделанный вывод. Например, обращение Ярославны: «О ветре, ветрило!.. Мало ли ти бяшетъ горé подъ облакы веяти, лелеючи корабли на сине море?» (54). Здесь упомянуты пространственные элементы только верха и низа — солнце и море. Ветер тоже относится к верху, дует вверху. Ср. в «Слове» же: «Высоко плаваеши... на ветрехъ» (52). Но остался не названным средний пространственный уровень. Ветер словно бросается из-под облаков на сине море, между облаками и морем зияет как бы белое пятно. Законченного образа нет. Правда, слово «горъ» в данном месте, исправленное при издании на «горé», можно истолковать как «горы» — «ветер горы под облаками обвеваает»⁴. Однако и в таком случае автору «Слова» мы не можем приписать стремления к созданию образа: не связаны эти облака и сине море — ветер обвеваает отдельно горы под облаками и отдельно лелеет корабли на море (так построена фраза).

Прочие примеры отвести совсем легко. «Тъгда вьступи Игорь князь въ златъ стремянь и поеха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше» (46) — солнце не обязательно над чистым полем, оба эти элемента, скорее, мыслились автором по отдельности, и остался никак не упомянут промежуточный пространственный элемент между солнцем и полем. «Игорю утръпе солнцю светъ, древо небологомъ листвие срони» (52) — есть пространственные элементы верхний, солнце, и сред-

---

⁴ См. реконструкцию древнерусского текста «Слова» и комментарии Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина: *Слово о полку Игореве*. Л., 1985, с. 33, 44, 478.

ний, дерево, но не назван низ. Да и вряд ли имелось в виду солнце именно над реальным деревом. «Ничить трава жалощами, а дерево с тугою къ земли преклонилося» (49), «уныша цветы жалобою, и дерево с тугою къ земле преклонилося» (55) — обозначены пространственные элементы нижний (земля, трава, цветы) и средний (дерево), но зато не назван верх. «Небрежность» автора «Слова» объяснима одним: не реально-пространственные образы его привлекали, а символика горя. «Слово о полку Игореве» настойчиво указывает на старания автора совсем в иной сфере творчества, нежели создание литературных пейзажей. «„пейзажи“ «Слова о полку Игореве» — это плоды нашего воображения, действующего под влиянием воспитанной на литературе нового времени потребности «видеть» то, что описывается в литературном произведении» (Лихачев Д. С.)⁶.

Попытки найти пейзажные образы в других памятниках древнерусской литературы XI—XII вв. тоже заканчиваются неудачей, в том числе, например, в сочинениях Кирилла Туровского. Приведем лишь небольшой отрывок из огромного описания весны «Слова по пасхе»: «Ныне небеса... темных облак, яко вретница, съвьлекъше... Ныне солнце, красуясь, к высоте въсходить и, радуясь, землю огреваеть... Ныня древа леторасли испущають...» (416—417). Можно выделить элементы всех трех пространственных уровней — верха (небо, солнце, облака), низа (земля) и середины (древа), но сделать это можно только чисто искусственно, так как пространственные элементы не связаны в предметное целое. Кирилл Туровский описывал символическую весну — победу христианства на Руси — и к четкому пространственному образу не стремился.

В отрывке о Бояне преобладало абстрактное, а не изобразительное содержание. Глагол «растекашется» имел не предметный, а абстрактный смысл «двигаться», «распространяться», «следовать», отчего стало возможным отнести его к трем разнородным существительным сразу — «мыслию», «вълкомъ», «орломъ». В тексте «Слова» автор время от времени превращал предметный глагол в более абстрактный по значению, относя его сразу к двум-трем существительным: «поскочи горнастаемъ къ тростию и белымъ гоголемъ на воду» (55) — слово «поскочити», чтобы подходить не только к горностаю, но и к гоголю, обозначало стремительное движение вообще; «стрешаше е гоголемъ на воде, чаицами на струяхъ, чрънядьми на ветрехъ» (55) — «стрешаше» больше обозначало, пожалуй, «присутствовать перед кем-либо», «сопровождать кого-либо»; «въстона... Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми» — «въстона» означало, скорее, «заскорбел», «стал мучиться», недаром эта фраза была продолжена упоминаниями о тоске и печали. Глагол «растекашется» еще относился и к Бояну, обозначая энергию его мысли. Недаром «растекашется» было окружено обозначениями мыслительной деятельно-

⁶ Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986, с. 227.

сти этого лица: «по замышлению... вещей... хотяше песнь творити... помняшетъ...» (43). Дополнительные детали — «по древу», «по земли», «подъ облакы» — символизировали многообразие или изобретательность пения Бояна, как последующие символы — «10 соколовъ на стадо лебедей» (44) — указывали на его искусность.

Однако наряду с главным абстрактно-символическим смыслом в характеристике пения Бояна в качестве второстепенных присутствовали и предметные смыслы. Во-первых, автор, возможно, подразумевал, что Боян в своем пении «растекался» очень далеко, за пределы Руси, пел о далеких походах. Ассоциативно важными в характеристике Бояна явились четыре слова: «мыслию по древу — вълкомъ — орломъ», благодаря им нагнетались пространственные ассоциации с отдельными местностями или далекими частями мира⁶. Волки, судя по всему тексту произведения, представлялись автору всегда где-то в полях, вне границ Руси: «серый влъци въ поле» за Курском (46), «влъци... по яругамъ» у Дона (46), «бежить серымъ вълкомъ... къ Дону Великому» (47), «вълкомъ... дорискаше до куръ Тмутороканя» (54), «вълкомъ ... потече къ лугу Донца» по степи половецкой (55). Боян-волк, по авторскому изображению, следовательно, тоже растекался мыслью где-то по далеким степям.

Замечание о том, что Боян растекался «шизымъ орломъ подъ облакы» (43) указывало на далекий полет орла. Орлы в «Слове» далеко клекотали — в поле, у Дона, за Русской землей (46). В других памятниках орлы — реальные и в сравнениях — летали очень далеко. В «Похвале Кириллу Философу» Климента Охридского: «Прелатая, яко, орель на вся страны от вѣстока до запада и от севера и юга» (426). В «Повести пророка Иеремии о пленении Иерусалима» орел летал «на всякъ путь» из Иерусалима в Вавилон и обратно (34.2, 36,1). Орел посещал человека в далеком путешествии в «Житии Вита» (225.1). «Орьль идущъ съ небесе» показывал путь к раю в «Хождении Агапия в рай» (467.1, 470.1). В «Галицко-Волынской летописи» под 1201 г. выражение «прехожаше землю ихъ, яко и орель» (716) тоже имело в виду далекий, через всю «землю», полет орла. Боян-орел, вероятно, казался автору «Слова» улетающим очень далеко своей мыслью, во всяком случае, за пределы Руси.

Древо у автора «Слова» тоже помещалось на дальних рубежах. С древа начинались неведомые земли: «Дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаеме, Вльзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканьскыи блѣванъ» (46). Древо соотносилось с пограничными реками: «древо не бологомъ листвие срони: по Руси и по Сули гради поделиша» (52). Древо стояло на берегу Донца

⁶ О «локальном признаке дальности» см.: Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Ученые записки Тартуского гос. университета. Тарту, 1965, вып. 181, с. 210—216.

(55). Древо преклонялось к земле на берегу Каялы (49) и на берегу Стугны, разделившей русских и половцев (55). Древо, в обозначениях автора, тоже служило вехой далекой перспективы, куда уносилась мысль Бояна.

Наконец, Боян растекался «мыслию», — если полагать, что автор говорил о мысли, но не о белке, — а мысль в «Слове» имела свойство лететь далеко: можно было «мыслию... прелетети издалеча» (51), мыслью можно было мерить огромные поля (55). Если уж кого-то нельзя «ни мыслию смыслити», то, значит, он пребывает совсем далеко — на том свете (49). И в других древнерусских памятниках мысль не только возносилась высоко, но и неслась далеко⁷. Таким образом, есть основания предполагать, что в высказывании о пении Бояна автор подчеркнул дальность бега Бояновой мысли.

Действительно, после этой характеристики автор пояснил конкретнее, насколько далеко «растекалось» пение Бояна: Боян пел «Храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предъ пълки Касожьскими» (44), то есть мысль Бояна «дотекала» до касогов. Сказано также, что Боян помнил «първыхъ временъ усобице» (43), а слово «усобицы» означало здесь не ссоры между князьями, но их довольно дальние походы на врагов вонне Руси. Ср. в «Слове»: «Усобица княземъ на поганяя» (49). Боян помнил о далеких походах.

В том же контексте следовало знаменитое сопоставление: поющий Боян «пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей» (43—44). Упоминание соколов и лебедей имело пространственный оттенок. По изображению автора «Слова», соколы неуклонно устремлялись за пределы Руси: «буря соколы занесе чрьсь поля широкая... къ Дону Великому» (44), «о, далече заиде соколь: птиць бя, — къ морю» (49), «два сокола слетеста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя... Дону» (50). Сокол находился вне своего гнезда: «соколь... высоко птиць възбиваетъ, не дастъ гнезда своего въ обиду» (51). Сокол летал к своему гнезду, но опять-таки над полем половецким, вне Руси: «полете соколомъ», «соколь къ гнезду летить... въ поле Половецкомъ» (55, 56). Лебедей, на которых охотились соколы, автор «Слова» мыслил тоже только вне Руси, в половецких степях (46, 55). Так что темы песен Бояна касались именно дальних мест — автор «Слова» снова давал понять это.

И еще. Во второй характеристике Бояна автор «Слова» говорил, что поющий Боян «рища... чрьсь поля на горы» (44): через те самые «поля широкая» и «великая поля», куда отправлялись русские князья «копие приломити конецъ поля Половецкаго» (44). Это поле казалось автору очень далеким: «Дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело!» (47). Все вдаль и вдаль от пределов Руси устремля-

⁷ Примеры см.: Адрианова-Перетц, с. 28—29, 177—178.

лась мысль Бояна, так ее характеризовал автор в начале «Слова о полку Игореве».

В древнерусской литературе XI—XIII вв. нет близкой аналогии рассмотренной фразе о Бояновом пении, но есть косвенные подтверждения ее смысла — нередкие упоминания о дальности распространения высказываний известных проповедников и правителей. Например, Моисей Выдубицкий в «Слове» 1199 г. поминал широкое распространение речей киевского князя Рюрика Ростиславича: «Во всю бо землю изиидоша, по пророку, богомирная словеса твоя» (713). Такой же пространственный смысл неоднократно выражался в «Слове похвальном Кириллу и Мефодию»: «словесе Божия... излия ся устьнама его и всю вселеную сластно възвесели», «словеса ваю... насладиста всю вселеную» (200.1, 207.2). О дальнем распространении «словес» повествовали «Слово об иссохшей смоковнице» Иоанна Дамаскина, «Слово о самаряныни» Иоанна Златоуста и др.: «По всеи бо земли изиде гласъ ихъ и въ страну вселенныя глаголи ихъ» (302.2), «въ всю землю изиде вещание ихъ и въ конць вселенныя глаголи ихъ» (423.2).

В начальном высказывании автора «Слова» о Бояне можно предположить отражение еще одной пространственной темы — о быстроте «растекания» мыслей у Бояна, быстром охвате им многих сюжетов. Творительный оборот в сопоставлении Бояна с волком и орлом — «растекашеться вълкомъ, орломъ» — передавал ощущение быстроты передвижения так же, как потом при описании стремительного бегства Игоря из плена: «А Игорь князь поскочи горнастаемъ... гоголемъ... и скочи... вълкомъ ... и полете соколомъ... Игорь соколомъ полете... Влуръ вълкомъ потече» — двигались так быстро, что «претръгоста бо своя бръзая комоня» (55). Так же автор рассказал о таинственном Всеславе: «Скочи... лютымъ зверемъ... скочи вълкомъ... вълкомъ рыскаше... вълкомъ путь прерыскаше» (53—54) — стремительно скакал из города в город. Быстротой передвижения в пространстве отличались герои в литературе динамичного монументализма (термин Д. С. Лихачева⁸).

Сходными по смыслу с «творительными» оборотами были «убыстряющие» сравнения с животными. Из древнерусской литературы XI—XII вв. их можно привести несколько — они хорошо известны. В «Повести временных лет» (под 964 г.) говорилось о быстроте походов Святослава: «и легько ходя, аки пардусъ, войны многи творяше» (63). В «Галицко-Волынской летописи» (под 1201 г.) отмечалась стремитель-

⁸ О стиле монументализма см. работы Д. С. Лихачева: 1) Человек в литературе Древней Руси, 2-е изд. М., 1970, с. 25—62. 2) Развитие русской литературы X—XVIII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973, с. 64—67, 73—74; 3) Стилеформирующая доминанта древнерусского домонгольского искусства и литературы // Средневековая Русь. М., 1976, с. 131—134; 4) Поэтика древнерусской литературы, 3-е изд., доп. М., 1979, с. 80—102; 5) «Слово о полку Игореве» и культура его времени, с. 39—75.

ность напора князя Романа Галицкого: «Устремил бо ся бьяше на поганья, яко и левъ, сердить же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодиль, и прехожаше землю ихъ, яко и орель» (716). В библейской Книге пророка Исаии подобными же средствами изображался воинский натиск: «Колеса колесницам их, акы буря. Устремляются, акы лвы, и предстают, акы львичища» (67). Смысл всех этих открытых и скрытых сопоставлений сводился к утверждению стремительности деяний героев, в том числе и пения Бояна.

Образ далеко и стремительно растекавшегося пения Бояна находит объяснение в особом художественном представлении автора «Слова». Описания природы, упоминавшие небо, солнце или облака, служили своего рода гигантским «экраном», на котором действия героев отражались и преображались в огромном увеличении, укрупненно. Вот движутся по степи навстречу друг другу войска русских князей и половцев, и тут же на небесном «экране» движутся тучи на солнце, трепещут молнии и пр. Вот русские князья потерпели поражение — и на великом «экране» с неба до земли происходят свои изменения: меркнет солнце, гаснут багряные столпы, погружаются в море; или меркнет солнце, а древо роняет листья; или солнце простирает особо горячий луч в безводном поле; или ветер бросается вниз из-под облаков и не «лелеет», а дует «по ковылию». Пение Бояна тоже укрупненно отражалось на этом постоянном «экране»: Боян «хотяше песнь творити», и уже под облаками парил орел, по земле бежал волк, в некое действие вовлекались древо, облака, поля, горы. Этот вертикальный «экран» отражал не психологические состояния героев, не их чувства и переживания, а именно их внешние действия, поступки. Герои в качестве реалий или символов были включены в укрупняющую их поступки картину природы с небом, солнцем или облаками.

Природа отзывалась на действия не только вплоть до неба, но и широко по земной плоскости. Например, как только Игорь начал поход «и поеха по чистому полю», то «солнце ему тьмою путь заступаше, ночь стонуци ему грозою птичь убуди, свистъ зверинъ вьста, збися Дивъ, кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаеме, Вльзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню» и т. д. (46).

Укрупняющий деяния человека «экран» природы над героями или вокруг героев, более узкий или более широкий, присутствовал в «Слове» почти всегда. Битва с половцами еще не началась, а уже «земля тутнетъ, реки мутно текутъ, пороси поля прикрывають» (47). Поражение: «Подоша стязи Игоревы... Ничить трава жалошцами, а древо с тугою къ земли преклонилося» (49). «Игорь къ Дону вои ведеть. — Уже бо беды его пасеть птиць по дубию, вльци грозу вьсрожатъ по яругамъ, орли клеткомъ на кости звери зовуть, лисици брешуть на чръленя щиты» (46). Игорь бежит из плена и от погони — «тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозие ползоша только.

Дятлове тектомъ путь къ реце кажутъ, соловии веселыми песньми светъ поведаетъ» (56). Отклик в природе находит даже движение рук Бояна: «Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедей... — своя вещь прѣсты на живая струны въскладаше» (43—44). Природа в «Слове о полку Игореве» была не пейзажная, она способствовала монументальности изображения людей. Ср. вывод Д. С. Лихачева об авторе «Слова»: «Говоря о природе, он не дает пейзажей, а описывает реакцию природы на события, происходящие у людей», «большинство действий и событий в «Слове» указывают на участие природных явлений в происходящем»⁹.

Для древнерусской литературы XI—XIII вв. все это типично. В ее памятниках не наблюдалось самостоятельных, самодовлеющих пейзажей, высотных или плоскостных. Описаниями природы подчеркивалась важность человеческих деяний. Например, крещение Руси возвеличивали длинные описания природы в поучениях митрополита Илариона и Кирилла Туровского. Древнерусские писатели исходили из традиционного представления о первенстве, главности человека в мире реальной природы. Как говорил Иоанн Златоуст: «Въсе ставлено житию нашему», «все бо бысть... намъ же на потребу: солнце, да человеки освещаетъ, облаци — на дъждевное служение, земля — на плодovное гобиньство, море же — на обилие купьцемъ, все, тебе, человеку, служить» («Слово о десяти девицах», 315.1; «Слово в великий четверток», 340.2).

Однако «Слово о полку Игореве» и тут уникально. Если в остальных памятниках «экранируются» на природу эпохальные, очень крупные, итоговые деяния людей, вроде крещения Руси, то в «Слове» речь идет о довольно частных, вовсе не вселенских действиях героев: Боян поет, Игорь выступает в поход, Игорь продолжает поход, битва начинается, Игорь разгромлен, Игорь бежит из плена, Игорь возвращается («Солнце светится на небесе — Игорь князь въ Руской земли», 56). Автор «Слова», вероятно, исходил из более внимательного, более уютно-интимного, более «аборигенного» отношения к природе, чем предыдущие древнерусские писатели. Опять сошлемся на Д. С. Лихачева: «„Легкое“ пространство соответствует человечности окружающей природы», «„Слово о полку Игореве“... отмечено печатью человечности, особенно внимательного отношения к человеческой личности»¹⁰.

Монументализм автора «Слова» был даже немного «хозяйственным». Не оттого ли поступки героев ставились в связь и со сценами сельскохозяйственными, свадебными, охотничьими? Такой подход, возможно, проявился кроме «Слова о полку Игореве» еще в «Слове о гибели Русской земли»: торжествующая над врагами Русь — и отражение этого в картинном богатстве ее природы и хозяйства, с озерами,

⁹ Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах. Л., 1987, т. 1, с. 646; т. 3, с. 192.

¹⁰ Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах, т. 1, с. 646; т. 2, с. 211.

реками, дубравами, зверьми и птицами, городами и селами, обитателями и церквями. Не была ли навеяна уютная дробность явлений природы в литературе конца XII — начала XIII вв. набравшим силу процессом феодального дробления Руси?

В целом период XI—XII вв. представляется временем закладки огромного художественного потенциала благодаря широкой открытости древнерусских авторов реальному миру и особенно благодаря удивительному дару автора «Слова о полку Игореве» свободно мыслить и ассоциировать во многих духовных мирах сразу — абстрактном и предметном, символическом и изобразительном, языческом и христианском, политическом и философском и пр.

1988, 1993 гг.

2. МИР ЖИВОТНЫХ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Чаще всего исследователей интересует богатейшая христианская и языческая, литературная и фольклорная символика, связанная с животными. Это тема преимущественно идеологическая и религиоведческая. Некоторые исследователи очерчивают круг знаний древнерусских книжников о реальной природе. История естествознания? Но мало кто раскрывает изобразительную сторону древнерусских анималистических описаний и воплотившиеся в них творческие черты личностей авторов или книжников¹. Вот что прямо относится к истории литературы.

Эстетическое своеобразие автора «Слова о полку Игореве» виднее на традиционном анималистическом фоне переводных произведений, которые специально описывали животных. Так, две «Александрии»,

¹ По первой теме — о литературной символике животных — см., например: Дурново Н. Н. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе. М., 1901; Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902; Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах. М., 1987, т. 1, с. 438—439; т. 2, с. 143; т. 3, с. 92; Лихачева О. П. Некоторые замечания об образах животных в древнерусской литературе // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с. 99—105. По второй теме — о реальных анималистических знаниях древнерусских писателей — см., например, работы Н. В. Шарлеманя и Г. В. Сумарукова, ссылки на них далее. По третьей теме — о манере изображения животных — нет специальных работ.

сначала хронографическая, затем так называемая сербская, наряду с упоминанием реальных животных, использовали все мыслимые варианты конструирования фантастических существ. В «Александриях» были описаны «звери человекообразны»: «двоглавнии змиевы», но «ноги имеяху» («Александрия» сербская, 54)²; «половину человекъ, половину песь» («Александрия» хронографическая, 188); «все тело их человеческо, глава же песья» («Александрия» сербская, 102); «до пояса имуще образ человекъ, рогы же на главе — оленя, прочее же от пояса зверино тело имуща, нозе же прежнии — птичьи, заднии же — коневе» («Александрия» хронографическая, 234). Изображены огромные твари: «блѣхы скачуща, яко и жабы» («Александрия» хронографическая, 76); «рацы исходяще, кони ухапаху» («Александрия» сербская, 202). И необычайно миниатюрные люди: «локтя величеством» (98). Упомянуты существа с устрашающе большим числом членов: «о шести ногъ и о трехъ очесехъ и о пяти очесехъ» («Александрия» хронографическая, 77). И, напротив, с недостатком или вообще отсутствием отдельных частей тела: «люди... о единой ноги... по каменью скачуще» («Александрия» серб-

² Цитируемые произведения: «Александрия» сербская — ПЛДР, т. 5 / Текст памятника подгот. Е. И. Ванеева; «Александрия» хронографическая — *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов: исследование и текст. М., 1893. Приложения; «Беседа трех святителей» — ПЛДР, т. 2 / Текст памятника подгот. М. В. Рождественская; «Библия» — Библия. Острог. 1581. Указываются листы и столбцы издания; «Вольга» — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, 4-е изд. М.; Л., 1950, т. 2; «Житие Андрея Юродивого» — ВМЧ. Октябрь 1—3; «Житие Василия Нового» — *Вилинский С. Г.* Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1911, ч. 2: Тексты жития; «Житие Макария Римского» — Адрианова-Перетц; «Луцидариус» — *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890; «Моление Даниила Заточника» — ПЛДР, т. 2 / Текст памятника подгот. Д. С. Лихачев; «Палея толковая» 1406 г. — Палея толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892, вып. 1; «Палея толковая» 1477 г. — Толковая палея 1477 года: Воспроизведение синодальной рукописи № 210 / Под наблюдением П. Поновицкого. СПб., 1892. Указываются листы и столбцы издания; «Повесть об Акире Премудром» — ПЛДР, т. 2 / Текст памятника подгот. О. В. Творогов; «Поучение Кирилла Философа» — Адрианова-Перетц; «Синайский патерик» — Синайский патерик / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967; «Сказание Агапия о рае» — Успенский сборник; «Сказание об Индийском царстве» — ПЛДР, т. 2 / Текст памятника подгот. Г. М. Прохоров; «Слово о полку Игореве» — Слово о полку Игореве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. Л., 1967; «Слово о прилюблении убогих» Иоанна Златоуста — Успенский сборник; «Слово о трех мнисех» — Тихонраов, т. 2; «Слово похвальное Кириллу и Мефодию» — Успенский сборник; «Физиолог» — *Карнеев А. Д.* Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890; «Хроника» Константина Манассии — Староболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах / Тексты памятника подгот. М. А. Салмина; словоуказатели подгот. О. В. Творогов. София, 1988; «Шестоднев» Иоанна Экзарха — Шестоднев.

ская, 114), «человеци безглавни» («Александрия» хронографическая, 77). В отношении последних в «Луцидариусе» было пояснено: «люди безглавнии, им же очи на плечахъ, и место усть и носа имеютъ на персеяхъ две дыры» (432). В «Александриях» действовали существа, для кого смертельны обычные земные условия: «ветру студену дохнувшю на них, вси изомроша» («Александрия» сербская, 114). И те, кто невероятно жизнестоек: «повар рыбы сухие... во езере... измочи и рыбы сухие ожиша и во езеро втекоша» (112). И те, кто неуязвим в самых губельных обстоятельствах: «птици... приближашеся къ огню, вхожаху въ огонь и паки без вреда вылетаху изъ огня» («Александрия» хронографическая, 188).

Та же фантастическая комбинаторика проявилась и в «Физиологе», «Сказании об Индийском царстве», «шестодневах» и «палеях», в некоторых житиях.

Ни пейзажей, ни прочих картин с участием фантастических или реальных животных древнейшие памятники не развертывали. Они обычно связывали каждого животного только с одной деталью природы. Например, в «Физиологе» такой деталью было дерево, реже — гора или река, иногда — пустыня или небо, но без малейшей картинности. Совокупность всех рассказов «Физиолога» не объединяла животных в цельный мир. Разрозненными оставались и детали природы, сопровождавшие животных. К примеру, деревья в рассказах «Физиолога» никак не связаны друг с другом: то это «древа ливаньска» (203), то это дуб в Индии (340), то дерево у Евфрата (351), то дуб близ рая (366) и т.д.

Изолированными друг от друга оставались детали природы и в «Александрии», в «Космографии» Козмы Индикоплова и пр.

Правда, в памятниках обозначались и сборища животных, но очень лаконично. Так, в рассказах того же «Физиолога» разные типы животных были связаны друг с другом попарно. В одном рассказе действуют лиса и птицы, в другом — кит и рыбы, в третьем — ибис и рыбы, в четвертом — выдра и крокодил, в следующем далее — ихневмон и змей, затем — олень и змей, или голубь и змей, либо — слон и змей и т. п. В «Физиологе» наблюдается лишь одно исключение — в сказании о том, как слетались на брань враждующие стаи птиц: «Да есть слышати до небеси голву... и отпаденію перію бес числа» (XV—XVI), — детали (птичий крик до неба и устилание земли перьями) создавали образ пространства, охваченного птичьим сражением. Но это образ явно поздний: лишь в списке XVI в. данное сказание было присоединено к концу старого текста «Физиолога».

В «шестодневах», «палеях», «хрониках» животные перечислялись в рассказах о пятом дне творения мира только для пояснения библейской идеи о внезапной заполненности всего мира. Ср. Бытие, гл. 1: «И наполните воды, яже въ морехъ, и птицы да умножатся на земли» (1.2); «Шестоднев» Иоанна Экзарха: «И плъни беаху въси брези; нирааху сквозе глубины; такожде и морские удоли, и великые и малые пучины

въсечьскихъ и различныхъ рыбъ плъны беаху», «не бы же праздна ни тина, ни калъ», «овы по ширине плавающе, а другие — по краю, а другие — по глубине, а другие — подъ каменiemъ» (162.2—162 об. 1, 164.2, 165.1). То же в «Палее толковой» 1477 г. (20 об. 2, 21.1 и сл.).

Теперь рассмотрим мир «Слова о полку Игореве», отвлекшись от его символики и сосредоточившись на изобразительных чертах памятника. «Слово о полку Игореве», обходившееся без фантастики и подробного описания животных, кое в чем все же смыкалось с традиционным литературно-анималистическим фоном. Когда автор «Слова» упоминал реальное животное, то он не давал развернутых описаний и довольствовался одной-единственной деталью из мира природы. Например, автор связывал орла с облаками: «растекашется... подъ облакы» (43). Сокола — с ветром: «на ветрехъ ширяся» (52). Автор избегал жесткой привязки конкретных деталей к определенным зверям или птицам и в других местах «Слова» с облаками и с небесной высотой связывал сокола: «полете... подъ мъглами» (55), «высоко плаваеши» (52), «высоко птицъ възбиваетъ» (51), а с ветром связывал чернядь: «стрежаше... на ветрехъ» (55). В общем, автор «Слова» представлял птиц летящими в небесном верху.

Подобные связи наличествовали почти во всех произведениях древнейшей литературы. Орел связывался с облаками в хронографической «Александрии»: «Възлете на облакы»; в другом списке — «под облакы» (34). С небесами был связан орел в «Сказании Агапия о рае»: «идуць съ небесе» (467.1), в «Житии Макария Римского»: «Летай... под небесем» (53). С воздухом связывался орел в «Поучении» Кирилла Философа (53), «Молении Даниила Заточника» (394). С высотой связан орел в «Физиологе» (VI), в «Слове о прилюблении убогих» Иоанна Златоуста (321.2), «Слове похвальном Кириллу и Мефодию» (200.1). Птицы связаны с небом в Библии («Библия», 1.2. Бытие, гл. 1), «Шестодневе» Иоанна Экзарха (160.2, 161 об. 2, 162.1). С воздухом связывались птицы в «Шестодневе» Иоанна Экзарха (175 об. 1—2), «Палее толковой» 1406 г. (20 об.2), «Повести об Акире Премудром» (254). С высотой связаны птицы в «Синайском патерике» (60), «Шестодневе» Иоанна Экзарха (236.1), «Слове о трех мнисех» (61).

Автор «Слова о полку Игореве» упоминал, правда, и не летящих в небе, но, как можно догадаться, лишь попархивающих птиц, однако тоже в связи только с одной деталью из мира природы — с деревьями: соловей скачет «по древу», а птицы — «по дубию» (44,46). Связь «птицы — древо» тоже являлась распространеннейшей в литературе, начиная с Библии: птицы приходят на древо («Библия», 8.1. Евангелие от Матфея, гл. 13), сидят на деревьях («Сказание Агапия о рае», 468.1; «Слово о трех мнисех», 62; «Беседа трех святителей», 140; «Физиолог», VIII; «Житие Андрея Юродивого», 141), гнездятся на древе («Житие Василия Нового», 372) и т.д. Связь птиц с дубами также повторялась в памятни-

ках: птицы поют в дубраве («Александрия» хронографическая, 122), вселяются на дубе («Физиолог», 340—341), вьют гнездо на дубах («Сказание об Индийском царстве», 466).

Однако автор «Слова о полку Игореве» вышел за пределы литературных традиций к изображению необычайно широкого целого. Каждое животное в «Слове» сплочено в однородную группу с объединяющими признаками. Волки — серые (43, 46, 55), бегущие, скачущие, рыскающие (43, 46, 47, 53, 54, 55). Различий у них нет. Соловей или соловьи — поют, издают щекот (44, 46, 56). Сокол или соколы — прекрасно и целеустремленно летают, догоняют и бьют птиц (44, 49, 50, 51, 52, 56). Галки — «говорят» или молчат (46, 48, 56). Вороны — «грают» или не «грают» (48, 50, 56).

Разные группы животных, в свою очередь, связаны в сообщества: соколы и лебеди (44); соколы и галки (44); птицы, волки, орлы, лисицы (46); соловьи и галки (46); враны и галки (48); чайки и черняди (55); сороки, враны, галки, дятлы, соловьи (56). Птичий мир мыслился цельным — недаром автор неоднократно употреблял обобщающее слово «птицы» (46, 49, 51, 52, 53, 56). А звери и птицы в «Слове» тоже объединились в цельный животный мир — «птичь... зверинъ» (46).

Детали ландшафта в «Слове» представляли в однотипном виде. Земля в «Слове» — это одна и та же почва, которая зловеще гудит, дрожит, стучит (47, 52, 55). По земле «растекаются», по земле сеют, земля — под копытами коней, к ней клонятся, на нее свергаются (43, 48, 49, 51, 55). Облака в «Слове» — это один и тот же род легких высоких облаков, под которыми парят, летают, веют (43, 44, 54, 55), а иногда их и пронизывают (52. Низкие облака, или туманы, в «Слове» — это уже «мгла» или «мьглы» — 46, 53, 55).

Поля в «Слове» — всегда просторные. Для героев — «великая поля», для отдельного героя — «чистое поле» (46). Через поля рыщут и несутся (44). В поле свободно скачут и далеко заходят (46, 47). По полю беспрепятственно едут и рассыпаются (46). Поля покрывают, их пытаются частично перегородить или измерить (46, 47, 55). Поле с иными эпитетами — «поле Половецкое», «поле незнаемо», «поле безводно» — это всегда место сражения (44, 48, 52, 55, 56).

«Синее море» в «Слове» — это постоянно некий пограничный предел, отнюдь не идиллический, а больше тревожный и тревожащий (47, 49, 50, 51, 54, 55). Синий цвет, кстати говоря, вообще тревожен в «Слове» — синие молнии перед битвой (47), синее вино печали в мутном сне Святослава (50), синяя мгла Всеслава-оборотня (53), синий Дон как объект страстного желания, мутящего ум Игорю (44), на синем море плещет крылами Обида (49), на синем море «лелеють мечь» Руси (51), на синем море ветер беспокойно качает-лелеет корабли (54).

Из всех ландшафтных деталей в «Слове» лишь «древо» менее однородно, чем остальные. То это «зелено древо», с тенью (55). То «древо»

«лиственные срони» и клонится, как бы увядая (49, 52, 55). А то «мыслено древо» (44). Временами же вообще не ясно, какое «древцо» автор имел в виду (43, 46). Однако оно, пожалуй, оставалось одним и тем же, потому что, во-первых, слово «древцо» в тексте «Слова» всегда употреблялось в единственном числе; потому что, во-вторых, это «древцо» при всех обстоятельствах оказывалось объектом активной деятельности, местом энергичных поступков: по нему «растекаются» и скачут, с него «кличут», под ним одевают и пр. (43, 44, 55); и потому что, в-третьих, «древцо» каждый раз мыслилось находящимся на дальнем рубеже от Руси.

Ландшафтные детали в «Слове» тоже в разных вариациях сцеплялись друг с другом, особенно часто — земля, море, облака, древо, трава. В «Слове» присутствует цельный ландшафтный мир — тот, что «за шеломянемъ» Русской земли.

Постоянно связывая животных с ландшафтом, автор создал назревающий стихийно по всему тексту «Слова» образ природы, которую освещает «солнцу светъ». Мир заполнен животными. Животные вездесущи. Оттого, например, волки связаны помимо земли еще и с полем: «вльци въ поле» (46), и с яругами: «вльци... по яругамъ» (46), и с лугом: «влькомъ... къ лугу» (55). К каждой детали ландшафта кто-то приставлен: в частности, горностаи — «къ тростию», а чайки — «на струяхъ» (55). Каждая часть ландшафта в «Слове» населена живностью, и, например, в поле действуют соколы, орлы, соловьи, галки, кречеты, враны, волки, лисицы, туры. Эстетический эффект связности.

В тексте «Слова» выделились и отдельные образы связности. Животные окружают людей, зашедших в поле: «Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо беды его пасеть птицъ по дубию, вльци грозу въсрожать по яругамъ, орли клеткомъ на кости звери зовуть, лисицы брешуть на чръленья щиты» (46). Автор «Слова» поднялся до предметно-изобразительного шедевра: «О, Донче! Не мало ти величия, лелеявшу князя на вльнахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезехъ, одевавшу его теплыми мъглами подъ сению зелену древу. Стрежаше е гоголемъ на воде, чаицами на струяхъ, чрънядеми на ветрехъ» (55).

Эти картинные связности не восходили к традиционным описаниям животных и природы. В фольклоре аналогичное множество животных, напротив, рассеивалось по миру, как например, в древней былине «Вольга»:

Уходили все рыбы во синии моря,
Улетали все птицы за оболака,
Ускакали все звери во темны леса (537).

Люди в «Слове» также представляли в обильном предметном окружении, особенно Игорь, — воинском (конь — 44, 46, 55; стремя — 46; седло — 50; шлем — 44; копьё — 44, 47; щиты — 46; мечи — 51; стяги — 44, 47,